

ОСТАПЕНКО Ярослав Владимирович,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
тел.: +79780105127,
e-mail: lawyer.ostapenko@gmail.com

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО СПОСОБА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена отсутствием единообразного подхода к квалификации договора технологического присоединения, что напрямую влияет на выбор потерпевшей стороной способа защиты нарушенного права. Ошибка в определении правовой природы договора влечет неверный выбор норм материального права, а следовательно, и неэффективность судебной защиты.

В статье анализируются существующие доктринальные и судебные подходы, обосновывается тезис о том, что признание договора самостоятельным (непоименованным) видом обязательства с субсидиарным применением норм о возмездном оказании услуг является единственным условием для применения адекватных способов защиты, таких как односторонний отказ от договора и взыскание фактически понесенных расходов.

Ключевые слова: договор технологического присоединения, непоименованный договор, возмездное оказание услуг, смешанный договор, судебная защита, способы защиты гражданских прав, односторонний отказ, правовая природа, судебная практика.

OSTAPENKO Yaroslav Vladimirovich,
Crimean branch of the Russian State University
of Justice named after V. M. Lebedev

THE CIVIL NATURE OF THE CONTRACT FOR TECHNOLOGICAL CONNECTION TO ELECTRIC NETWORKS AS A BASIS FOR DETERMINING AN EFFECTIVE METHOD OF JUDICIAL PROTECTION

Annotation. The relevance of the study is due to the lack of a uniform approach to the qualification of the technological connection agreement, which directly affects the choice by the injured party of the method of protecting the violated right. An error in determining the legal nature of the contract entails an incorrect choice of substantive law, and therefore the ineffectiveness of judicial protection. The article analyzes the existing doctrinal and judicial approaches, justifies the thesis that the recognition of a contract as an independent (unnamed) type of obligation with a subsidiary application of the rules on paid provision of services is the only condition for the application of adequate methods of protection, such as unilateral cancellation of the contract and recovery of actually incurred costs.

Key words: technological connection agreement, unnamed agreement, paid provision of services, mixed agreement, judicial protection, ways to protect civil rights, unilateral refusal, legal nature, judicial practice.

В условиях реформирования электроэнергетического комплекса России, обусловленного переходом к рыночным отношениям и необходимостью обеспечения надежного и бесперебойного энергоснабжения потребителей, договор об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям приобретает значение одного из

ключевых правовых инструментов, опосредующих доступ хозяйствующих субъектов и населения к инфраструктурным мощностям сетевых организаций.

Специфика данного договорного института, сочетающего в себе как публично-правовые начала, так и частноправовые элементы, порождает многочисленные дискуссии в цивилистической доктрине и вызывает существенные сложности в правоприменительной практике. Научная полемика относительно его правовой природы не утихает на протяжении многих лет, что обусловлено отсутствием прямого поименования данного соглашения в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ), а также его тесной связью с нормативными актами, регулирующими отношения в сфере электроэнергетики, в частности, с Федеральным законом от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [1] и Правилами технологического присоединения, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 [2].

Суть проблемы заключается в том, что от правильной квалификации договора напрямую зависит выбор норм, подлежащих применению к отношениям сторон, определение объема обязательств, мер ответственности и юрисдикции споров. Высшие судебные инстанции, в том числе Президиум Верховного Суда РФ (ранее – Высший Арбитражный Суд РФ), неоднократно высказывали свои правовые позиции по данному вопросу, однако их эволюция демонстрирует определенную противоречивость, что не способствует формированию единообразной судебной практики.

Практическая значимость правильной квалификации рассматриваемого договора обусловлена необходимостью формирования единообразного правоприменительного подхода. Как обоснованно отмечает В.В. Романова, анализ судебных споров в сфере электроэнергетики свидетельствует о том, что значительная их часть возникает именно из обязательств по технологическому присоединению к электрическим сетям [3, с. 9].

В цивилистической науке сложилось несколько диаметрально противоположных подходов к определению правовой природы рассматриваемого договора.

Согласно одной из наиболее распростра-

ненных точек зрения договор технологического присоединения следует рассматривать как разновидность договора возмездного оказания услуг, поскольку его предметом является совершение сетевой организацией комплекса организационно-технических мероприятий, направленных на обеспечение возможности подключения энергопринимающих устройств заявителя к электрической сети.

Прежде всего, сторонники указанного подхода акцентируют внимание на том обстоятельстве, что имущественный результат деятельности сетевой организации, выражающийся в создании технической возможности для подключения энергопринимающих устройств заявителя, не передается последнему в собственность. В отличие от договора подряда, где ключевым элементом является передача заказчику о вещественного результата выполненных работ, при технологическом присоединении право собственности на вновь возведенные либо реконструированные объекты электросетевого хозяйства сохраняется за сетевой организацией, даже если работы осуществлялись за счет средств обратившегося лица. Таким образом, заявитель получает не материальный объект, а совокупность организационных и технических мероприятий, направленных на обеспечение фактического присоединения его установок к электрической сети, что, по мнению адептов рассматриваемой концепции, в полной мере корреспондирует легальной дефиниции услуги, закрепленной в ст. 779 ГК РФ.

Однако подобная трактовка правовой природы рассматриваемого договора не является безупречной и подвергается справедливой критике в научной литературе. Основной контраргумент сводится к тому, что конструкция договора возмездного оказания услуг предполагает пассивную роль заказчика, который, по общему правилу, лишь принимает результат оказанных услуг и оплачивает их стоимость. В то же время договор технологического присоединения характеризуется наличием встречных имущественных предоставлений и взаимных обязательств, поскольку заявитель не ограничивается внесением платы за присоединение, а обязан выполнить комплекс мероприятий, предусмотренных техническими условиями, включая подготовку соб-

ственных энергопринимающих устройств к приему мощности. Данное обстоятельство существенным образом отличает исследуемый договор от классической модели услуг, где обязанности контрагента, как правило, исчерпываются денежным платежом.

Более того, отдельные авторы обращают внимание на то, что деятельность сетевой организации по созданию инфраструктуры для присоединения обладает признаками подрядных работ, поскольку она имеет пространственно-предметный характер и завершается достижением определенного технического результата, который может быть измерен и оценен независимо от самого процесса его достижения [4, с. 211].

Представляется также важным учитывать, что договор технологического присоединения характеризуется наличием выраженного публично-правового элемента, что не характерно для классических обязательств по оказанию услуг. Сетевая организация, занимающая доминирующее положение на рынке, не вправе отказать обратившемуся лицу в заключении договора при наличии технической возможности, а размер платы за присоединение определяется не соглашением сторон, а императивно устанавливается уполномоченным органом в сфере тарифного регулирования. Подобные признаки сближают исследуемый договор с договором энергоснабжения, в котором сочетание публично-правовых и частноправовых начал является сущностной характеристикой. В этой связи представляется методологически некорректным механическое перенесение норм главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации на отношения, возникающие в связи с технологическим присоединением, поскольку это приводит к искажению сущности обязательства и порождает неопределенность в правоприменительной практике, в том числе относительно возможности одностороннего отказа от исполнения договора.

Дополнительным аргументом против отождествления технологического присоединения с возмездным оказанием услуг служит отсутствие у заявителя возможности влиять на содержание оказываемой ему услуги и ее качественные характеристики.

В классическом договоре услуг заказчик вправе определять параметры оказываемо-

го ему обслуживания и требовать их соблюдения, в то время как при технологическом присоединении объем мероприятий и технические требования устанавливаются сетевой организацией самостоятельно на основе утверждаемых ею технических условий, что характерно скорее для административно-правовых процедур, нежели для диспозитивного гражданско-правового регулирования. Кроме того, следует отметить, что правовая цель договора технологического присоединения не исчерпывается совершением определенных действий, а состоит в создании предпосылок для заключения в будущем договора энергоснабжения, что придает исследуемому договору организационный характер, свойственный предварительным договорным конструкциям, однако не укладывающийся в традиционную модель обязательств по оказанию услуг.

Резюмируя изложенное, полагаем необходимым изложить собственную позицию относительно квалификации договора об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям. По нашему убеждению, отнесение данного договора к категории договоров возмездного оказания услуг не в полной мере отражает его юридическую сущность и приводит к применению норм, не учитывающих специфику складывающихся правоотношений.

В юридической литературе получила распространение и альтернативная позиция, согласно которой договор об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям надлежит квалифицировать в качестве договора подряда. Адепты данного подхода, в числе которых следует назвать В.В. Романову [5, с. 152] и Н.В. Хорошеву [6, с. 59], исходят из того, что определяющее значение для квалификации имеет не характер совершаемых исполнителем действий, а конечный результат, ради достижения которого стороны вступают в договорные отношения. Таким результатом выступает фактическое присоединение энергопринимающих устройств заявителя к объектам электросетевого хозяйства, что придает обязательству материально-вещественную окраску и сближает его с подрядными правоотношениями. Указанные авторы обращают внимание на то, что в содержание договора технологического присоединения

органично включены элементы строительного подряда, поскольку сетевая организация в процессе исполнения обязательства осуществляет строительство либо реконструкцию линейных объектов, что исключает возможность отнесения исследуемого договора к категории услуг, где овеществленный результат, как правило, отсутствует.

Развивая приведенную аргументацию, М.Ю. Осипов предлагает рассматривать в качестве овеществленного результата работ создание проводника тока, соединяющего основную линию электропередачи с объектом заявителя. По мнению указанного автора, именно материализованный итог деятельности сетевой организации придает договору экономический смысл, поскольку в отсутствие такого результата теряется сама цель договорного обязательства, а действия сторон утрачивают практическую значимость [7, с. 40]. Подобная трактовка позволяет провести параллель с договором строительного подряда, где результат работ также носит пространственно-предметный характер и подлежит передаче заказчику по акту приемки.

Вместе с тем приведенная позиция не лишена уязвимых мест и подвергается обоснованной критике. Прежде всего, следует принимать во внимание, что конструкция договора подряда, регламентированная положениями гл. 37 ГК РФ, предполагает передачу заказчику результата выполненных работ, который должен обладать признаками индивидуальной определенности и пригодности к использованию по назначению.

Предметом подряда, как подчеркивается в правоприменительной практике, является создание конкретной вещи либо ее трансформация [8]. В рассматриваемом же договоре технологического присоединения отсутствует передача заявителю какого-либо материального объекта: созданные сетевой организацией линейные сооружения остаются в ее собственности и поступают в эксплуатацию самой сетевой организации, тогда как заявитель получает лишь право на использование присоединенной мощности. Данное обстоятельство существенным образом отличает исследуемое обязательство от классического подряда, где право собственности на результат работ переходит к заказчику [9, с. 165].

Следует также отметить, что плата за технологическое присоединение, устанавливаемая в соответствии с Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2011 № 1178 [10], носит нормативный характер и не определяется соглашением сторон, что также не характерно для подрядных правоотношений, где цена работ формируется на основе свободного волеизъявления контрагентов.

Мы не можем согласиться с тезисом о том, что договор технологического присоединения является разновидностью договора подряда, поскольку в нем отсутствует ключевой признак подрядных отношений – передача заказчику овеществленного результата работ, обладающего признаками индивидуально-определенной вещи.

Многолетняя научная полемика относительно правовой сущности договора технологического присоединения к электрическим сетям привела к формированию в доктрине ряда дополнительных концепций, среди которых особого внимания заслуживает квалификация исследуемого договора в качестве смешанного. Сторонники данного подхода исходят из того, что обязательство по технологическому присоединению органично сочетает в себе признаки нескольких поименованных договорных конструкций, что не позволяет свести его к какой-либо одной договорной модели.

В частности, С.А. Свирков обращает внимание на то, что в содержании рассматриваемого договора помимо элементов подряда и возмездного оказания услуг прослеживаются признаки договора о совместной деятельности, поскольку обе стороны преследуют единый хозяйственный результат – обеспечение технической возможности потребления электрической энергии, что сближает исследуемое обязательство с конструкцией простого товарищества, регламентированной главой 55 ГК РФ [11, с. 377]. Вместе с тем указанная позиция порождает известную правовую неопределенность, поскольку открывает перед правоприменителем широкую свободу усмотрения при выборе подлежащих применению норм, что может приводить к фрагментарному и не системному регулированию од-

народных отношений.

Дальнейшее развитие доктринальных представлений о природе договора технологического присоединения выразилось в появлении точки зрения, согласно которой исследуемый договор надлежит квалифицировать в качестве договора простого товарищества [12, с. 24].

Однако данная концепция не получила сколько-нибудь широкого признания в юридической литературе и была подвергнута обоснованной критике. Так, отдельные авторы, полемизируя со сторонниками указанного подхода, справедливо отмечает, что конструкция простого товарищества предполагает объединение усилий участников для достижения общей цели при совпадении их интересов, тогда как в договоре технологического присоединения каждая из сторон преследует собственный, отличный от контрагента интерес: сетевая организация стремится получить нормативно установленную плату за присоединение, а заявитель – обеспечить техническую возможность энергоснабжения принадлежащих ему объектов [13, с. 72]. Кроме того, результат, достигаемый сторонами в процессе технологического присоединения, а именно фактическое подключение энергопринимающих устройств к электрическим сетям, не может выступать объектом долевой собственности участников, что также исключает возможность применения к исследуемым отношениям норм главы 55 ГК РФ.

Анализ правовых позиций высших судебных инстанций Российской Федерации позволяет заключить, что в судебной практике также отсутствует единообразный подход к определению правовой природы договора технологического присоединения.

Верховный Суд РФ в ряде своих решений, включая Обзор судебной практики № 1 (2018) [14] и Определение от 06.09.2021 № 305-ЭС21-8682 [15], сформировал преобладающую позицию, согласно которой по своим существенным условиям данный договор соответствует договору возмездного оказания услуг, что влечет за собой субсидиарное применение норм главы 39 ГК РФ, в частности, предоставляющей право на односторонний отказ статьи 782 ГК РФ.

Вместе с тем арбитражные суды нередко

придерживаются более дифференцированного взгляда. Например, Федеральный арбитражный суд Московского округа в Постановлении от 10.06.2013 по делу № А41-42732/12 указал, что, оставаясь по своей правовой природе договором технологического присоединения и подчиняясь специальному регулированию, такой договор содержит в себе элементы договоров подряда и возмездного оказания услуг, что позволяет квалифицировать его как сложный смешанный договор в смысле ст. 421 ГК РФ [16].

Альтернативную, третью позицию занимает Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа, который в Постановлении от 02.12.2016 № Ф02-6733/2016 по делу № А78-599/2016 [17], поддерживая выводы нижестоящих инстанций, прямо указывает, что договор технологического присоединения не может быть сведен ни к возмездному оказанию услуг, ни к смешанному договору, а представляет собой самостоятельный (непоименованный) вид гражданско-правового договора.

Таким образом, судебная практика демонстрирует конкуренцию трех основных подходов: квалификации как услуги, как смешанного договора и как самостоятельного договорного типа, что подтверждает комплексный и неоднозначный характер данного обязательства.

Рассмотрев позиции исследователей и судебную практику, полагаем необходимым выразить солидарность с мнением А.А. Бородавко, который утверждает, что доктринальный подход, признающий договор технологического присоединения самостоятельным непоименованным гражданско-правовым договором, является наиболее логичным и системно обоснованным [18, с. 69]. Однако при решении данного вопроса необходимо опираться на его практическую сторону, а именно – на последствия такой квалификации для судебной защиты.

Ключевая проблема заключается в следующем: если суд квалифицирует договор как смешанный (с элементами подряда), то заказчик лишается права на односторонний отказ, предусмотренный ст. 782 ГК РФ, и обязан возместить исполнителю полную стоимость работ, а не только фактически понесенные расходы, что существенно ущемляет его пра-

ва. Если же суд признает договор разновидностью услуг, возникает правовая неопределенность в отношении существа обязательства, поскольку результат деятельности сетевой организации не передается заказчику в качестве вещи или результата работ, а выражается в совершении комплекса организационных и технических мероприятий, обеспечивающих фактическое присоединение объекта к сети.

Признание договора самостоятельным (непоименованным) видом обязательства, как справедливо отмечает А.В. Бородавко, позволяет применить к нему общие положения об обязательствах и договоре, а в части, не урегулированной специальными нормами ФЗ «Об электроэнергетике», – по аналогии закона положения главы 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг, если это не противоречит существу обязательства и не нарушает баланс интересов сторон. Отнесение же данного договора к смешанным создает хотя бы гибкость, но фактически порождает неопределенность в выборе применимых норм, поскольку не всегда ясно, к какой именно части смешанного договора следует применять соответственно правила об услугах или же подряда.

Существенным контраргументом против позиции А.В. Бородавко может служить и позиция Верховного Суда РФ, который в Обзоре судебной практики № 1 (2018) и в Определении от 06.09.2021 г. № 305-ЭС21-8682 допустил применение по аналогии к названному договору положений главы 39 ГК РФ, провозглашая правоотношения сторон на абстрактную конструкцию возмездного оказания услуг, что, хотя и не лишает договор специфического характера, всецело указывает, что судебная практика настроена на более мягкую позицию, обращаясь к общим нормам через основной типовой признак деятельности исполнителя. Тем не менее данное применение не исключает приоритет специальных постановлений Правительства и технического регулирования, приемлемая модель непоименованного договора не может разрушить механизм защиты прав сторон, поскольку он подпадает под общее требование статьи 421 ГК РФ, допускающей заключение договоров, не предусмотренных ГК РФ, лишь бы они не противоречили его основам и не нарушали императивные правила. Практическая значи-

мость такой квалификации однозначна: она позволяет применять к отношениям специальные положения законодательства об электроэнергетике, а в неурегулированной части – с возникающими аналогиями права и закона, включая положения о возмездном оказании услуг (ст. 779-782 ГК РФ), но только в порядке субсидиарного правильного сопоставления, а не как признак смешанного характера.

Именно такой подход, на наш взгляд, является единственным основанием для определения эффективного способа судебной защиты. Он предоставляет стороне, чье право нарушено, следующие правовые инструменты:

1) Право на односторонний отказ от исполнения договора (по аналогии со ст. 782 ГК РФ) с возмещением лишь фактически понесенных расходов, а не упущенной выгоды, что защищает заказчика от необоснованных требований сетевой организации.

2) Возможность понуждения к исполнению обязательства в натуре (ст. 308.3 ГК РФ), что для заявителя часто является единственным реальным способом защиты, поскольку целью договора является не передача вещи, а осуществление технических мероприятий.

3) Применение специальных норм об ответственности за нарушение сроков технологического присоединения, установленных Правилами № 861, что исключает необходимость доказывания общих условий гражданско-правовой ответственности.

В целях единообразия судебной практики и установления общего подхода к правовой природе договора технологического присоединения считаем целесообразным рассмотреть вопрос о внесении изменений в действующее законодательство, а именно – о дополнении ФЗ «Об электроэнергетике» отдельной статьей, посвященной непосредственно правовой квалификации данного договора и его существенным условиям, поскольку в настоящее время правовое регулирование данного института разрозненно и содержится преимущественно в подзаконных нормативных актах, что порождает неоднородность судебных решений. Видится возможным дополнить статью 26 указанного закона пунктом следующего содержания: «К отношениям сторон по договору об осуществлении технологического присоединения энергопринимающих

устройств к электрическим сетям применяются специальные нормы настоящего Федерального закона и правил технологического присоединения, утвержденных Правительством Российской Федерации, а в части, не урегулированной указанными нормами, – общие положения об обязательствах и договоре с учетом существа данного договора, а также по аналогии закона положения главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации о возмездном оказании услуг, если это не противоречит существу обязательства и не нарушает баланс интересов сторон».

Дополнительно представляется обоснованным внести корреспондирующие изменения в ГК РФ.

В качестве заключения необходимо отметить, что проведенное исследование правовой природы договора технологического присоединения позволило подтвердить исходный тезис: определение правовой природы договора является фундаментальным основанием для выбора эффективного способа судебной защиты. Признание данного договора самостоятельным (непоименованным) видом обязательства с субсидиарным применением норм о возмездном оказании услуг является не просто теоретическим конструктом, а практическим механизмом, обеспечивающим сторонам предсказуемость правового статуса и доступ к адекватным средствам защиты.

Список литературы:

- [1] *Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «Об электроэнергетике»* // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.
- [2] *Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 (ред. от 01.07.2026) «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям»* // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (часть 2). Ст. 5525.
- [3] *Романова В.В. Особенности разрешения спорных ситуаций при осуществлении технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии* // Российский судья. 2012. № 5. С. 8-11.
- [4] *Мельников О.О. Отношения по технологическому присоединению к электрическим сетям и их правовое регулирование в Российской Федерации* // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19. №. 3. С. 208-229.
- [5] *Романова В.В. Энергетическое право: учебник для подготовки кадров высшей квалификации*. М.: Изд. группа «Юрист», 2021. 289 с.
- [6] *Хорошева Н.В. К вопросу о правовой природе договора технологического присоединения в сфере электроснабжения* // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2. С. 57-66.
- [7] *Осипов М.Ю. К вопросу о гражданско-правовой природе договора присоединения к электрическим сетям* // Юрист. 2020. № 3. С. 38-41.
- [8] *Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.07.2019 по делу № А76-21866/2018* // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/G3VtIX62EgbJ/?ysclid=mv9ao4ou1o729286005> (дата обращения: 07.09.2026).
- [9] *Загоруйко И.Ю. Существующие подходы, позволяющие определить экономико-правовую природу договора технологического присоединения к электрическим сетям* // Московский экономический журнал. 2019. №. 13. С. 162-168.
- [10] *Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 (ред. от 27.07.2026) «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике»* // Собрание законодательства РФ. 2012. № 4. Ст. 504.

- [11] Свирков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М.: Статут, 2013. 612 с.
- [12] Смагин А.В. Договор об осуществлении технологического присоединения как самостоятельная сделка в электроэнергетике: актуальные проблемы // Энергетика и право. 2013. № 3. С. 22-28.
- [13] Сташина Ю.С. Правовая природа договоров об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям // Юридическая наука. 2022. №. 12. С. 71-74.
- [14] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1, январь, 2019.
- [15] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2021 № 305-ЭС21-8682 по делу № А40-32523/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=680187> (дата обращения: 07.09.2026).
- [16] Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 10.06.2013 по делу № А41-42732/12 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=183686> (дата обращения: 07.09.2026).
- [17] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.12.2016 № Ф02-6733/2016 по делу № А78-599/2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=93032> (дата обращения: 07.09.2026).
- [18] Бородавко А.А. Правовая природа договора технологического присоединения к электрическим сетям // Правовой энергетический форум. 2024. Т. 10. №. 4. С. 66-74.

References:

- [1] Federal Law No. 35-FZ of March 26, 2003 (as amended on June 26, 2026) "On the Electric Power Industry" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 13. Art. 1177.
- [2] Decree of the Government of the Russian Federation No. 861 of December 27, 2004 (as amended on July 1, 2026) "On Approval of the Rules for Non-Discriminatory Access to Electricity Transmission Services and the Provision of Such Services; the Rules for Non-Discriminatory Access to Operational Dispatch Management Services in the Electric Power Industry and the Provision of Such Services; the Rules for Non-Discriminatory Access to Services Provided by the Commercial Operator of the Wholesale Market and the Provision of Such Services; and the Rules for the Technological Connection of Electricity Consumers' Power-Receiving Installations, Electricity Generation Facilities, and Electric Grid Infrastructure Owned by Grid Organizations or Other Entities to the Electric Grid" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 52 (Part 2). Art. 5525.
- [3] Romanova V.V. Specifics of Resolving Disputes Arising During the Technological Connection of Electricity Consumers' Power-Receiving Installations // Russian Judge. 2012. No. 5. pp. 8–11.
- [4] Melnikov O.O. Relations Regarding Technological Connection to Electric Grids and Their Legal Regulation in the Russian Federation // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 19. No. 3. pp. 208–229.
- [5] Romanova V.V. Energy Law: A Textbook for the Training of Highly Qualified Personnel. Moscow: Yurist Publishing Group, 2021. 289 p.
- [6] Khorosheva N.V. On the Legal Nature of the Technological Connection Agreement in the Electricity Supply Sector // Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki (Bulletin of Arbitration Practice). 2018. No. 2. pp. 57–66.
- [7] Osipov M.Yu. On the Civil Law Nature of the Agreement for Connection to Electric Networks // Yurist (The Jurist). 2020. No. 3. pp. 38–41.
- [8] Ruling of the Arbitration Court of the Ural District dated July 2, 2019, in Case No. А76-21866/2018 // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/G3VtIX62EgbJ/?ysclid=mv9ao4ou1o729286005> (accessed: September 7, 2026).

[9] Zagoruyko I.Yu. *Existing Approaches to Defining the Economic-Legal Nature of the Agreement for Technological Connection to Electric Networks* // *Moskovskiy Ekonomicheskij Zhurnal (Moscow Economic Journal)*. 2019. No. 13. pp. 162–168.

[10] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1178 dated December 29, 2011 (as amended on July 27, 2026) "On Pricing in the Sphere of Regulated Prices (Tariffs) in the Electric Power Industry" // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 4. Art. 504.

[11] Svirkov S.A. *Fundamental Issues in the Civil Law Regulation of Energy Transactions: A Monograph*. Moscow: Statut, 2013. 612 p.

[12] Smagin A.V. *The Agreement on Technological Connection as an Independent Transaction in the Electric Power Industry: Current Issues* // *Energy and Law*. 2013. No. 3. pp. 22–28.

[13] Stashina Yu.S. *The Legal Nature of Agreements on Technological Connection to Electric Grids* // *Legal Science*. 2022. No. 12. pp. 71–74.

[14] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 28, 2018) // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. No. 1, January 2019.

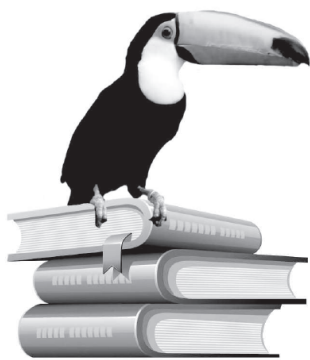
[15] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 6, 2021, No. 305-ES21-8682, in Case No. A40-32523/2018 // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=680187> (accessed: September 7, 2026).

[16] Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District dated June 10, 2013, in Case No. A41-42732/12 // *ConsultantPlus Legal Reference System*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=183686> (accessed: 07.09.2026).

[17] Ruling of the Arbitration Court of the East Siberian District dated December 2, 2016, No. F02-6733/2016, in case No. A78-599/2016 // "ConsultantPlus" Legal Reference System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=93032> (accessed: 07.09.2026).

[18] Borodavko A.A. *The Legal Nature of the Agreement for Technological Connection to Electric Power Grids* // *Legal Energy Forum*. 2024. Vol. 10. No. 4. pp. 66–74.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.